

Век. Москва — 2004 — 14 окт. — с. 30

ИЯ НИНИДЗЕ: НАКАНУНЕ СВАДЬБЫ Я ЕЩЕ ИГРАЛА В КУКЛЫ

Семь лет назад она заново училась ходить. «Великая иллюзия» — так назывался тот несчастливый спектакль Григория Гурвича, расколовший ее жизнь надвое. Трехсоткилограммовая декорация рухнула на нее, когда она репетировала арию из мюзикла «Сансет-бульвар». На премьере ее роль исполняла другая актриса — а Ия Нинидзе оказалась с тяжелейшими переломами в Институте Склифосовского. Сегодня она с улыбкой вспоминает то страшное время. На анапском «Киношоке» эта роскошная блондинка поет, танцует и с удовольствием разговаривает.

— Ия, где все-таки сейчас ваш дом? В Тбилиси или в Москве?

— Мой дом и мои корни, естественно, находятся в Грузии. Вот история вопроса. В Тбилиси я работала в театре Руставели. А потом мой старший сын переехал к отцу и Гриша Гурвич пригласил меня в Москву, к себе в театр «Летучая мышь», и я с большим удовольствием согласилась вернуться в этот родной для меня, добрый город. Да, Москва — мой второй родной город. В юности в шестнадцать лет я поступила во ВГИК и все четыре года учебы снималась на разных студиях в разных городах. Может, поэтому я не чувствую Москву чужим городом. Не хочу сказать, что я раздвоилась, но восемь лет уже я живу тут. А недавно

у меня с божьей помощью появилась квартира.

— С «Летучей мышью» связаны не самые хорошие воспоминания?

— Вы, наверное, имеете в виду ту трагедию, которая произошла тогда? Но по большому счету в моей жизни было два театра — Академический имени Шота Руставели (у Стурца) и второй мой театр — у Гриши Гурвича. Да, было больно — но это уже в прошлом. «Летучая мышь» был гениальный театр-мюзикл. Там все происходило быстро, хорошо, талантливо. Там кипела жизнь. Жаль, что все это быстро закончилось...

— Кстати, «Небесные ласточки», «Первая ласточка», потом еще «Ле-

тучая мышь» — это, правда, немного из другой оперы, но все равно... Ия, признайтесь, вы с птицами на короткой ноге?

— Может, действительно это какой-то небесный мессидж? Какой-то символ? Во всяком случае, мистика вполне может быть. Во ВГИКе еще «Чайку» играла — точнее, Нину Заречную.

— А сейчас есть театр в Москве, в котором хотели бы работать? Можете быть с чайкой на занавесе?

— У меня сейчас вообще нет желания работать в театре. Но... Если бы я сейчас вернулась в Грузию, я бы опять пришла в театр Руставели. А в московский театр — нет. Когда я смотрю бесконечный, нудный спектакль три-четыре часа, а хочется выйти и убежать — это уже не театр. Театр — когда ты завораживаешься действием. А эти антрепризы со «звездами»? Это же совершенная халтура. Хотя, может, это и шанс для тех киноактеров, кто всю жизнь мечтал играть в театре. Они пытаются найти себя на сцене и понимают, что это нелегко.

— А в Грузии сейчас есть кино?

— Конечно. И на «Киношоке» мы встретились с режиссером — моим коллегой и другом Сосо Джачелиани, который привез очень красивый, живой, с сердечной пульсацией фильм «Моя первая любовь». Эта короткая (всего пятнадцать минут) картина возвращает нас в хорошее прошлое — и ты опять веришь в свой народ, веришь, что он идет вперед...

Кстати, мы с ним с юности знакомы. Еще Тенгиз Абуладзе хотел меня снять в тринадцать лет в «Древе желания» — я должна была сыграть Марию. Но я была уже утверждена в роли Денизы в «Небесных ласточках». А по своей юности я не могла схитрить и совместить это — хотя сейчас я понимаю, что это вполне нормально для актрисы — работать в нескольких проектах одновременно. Но для меня тогда это было невозможно, я должна была работать только в «Ласточках». Вообще наш с Сосо дуэт — моя неосуществленная мечта в кинематографе. Перед своей смертью Абуладзе дал мне прочитать один сценарий, в котором мы вместе должны играть с Сосо. Увы... Прошло время, я уехала из Тбилиси, он свое дело делает, стал режиссером... И вот тут, когда мы встретились в Анапе на «Киношоке», он показал мне два оригинальных сценария. То, что он рассказал — очень интересно. И я с надеждой жду его нового фильма — это будет шедевр из настоящей жизни. И там потрясающая роль женщины для меня...

— Мы, к сожалению, не знаем сегодня грузинское кино...

— Понятно, потому что политики нас разделили границами. Но это все ерунда. Хорошо, что есть «Киношок», на котором мы встречаемся, единственный фестиваль, на котором мы узнаем, что происходит в кинопроцессе стран СНГ и Балтии.

— Сейчас снимаетесь?

— Есть несколько предложений. Начали любопытный проект с чешским режиссером, — фильм о Светлане Алилуевой — у меня там интересная роль. Но начались финансовые трудности, и проект пока остановлен. Еще тут два сценария принесли. Один — «Мальчишки» — школьная тематика. Зовут и в сериалы... Я ведь уже засветилась и в «Марше Турецкого», и в «Нине», и в «России истинной», и в «Следствии без лицензии».

— Ия, а все-таки после какого фильма вы проснулись звездой?

— Я и сейчас не чувствую, что я звезда. Звезды только на небесах блещут и горят. Моей мечтой было стать балериной, я танцевала во сне и наяву. Еще не научившись ходить, вставала на пальчики. В шесть лет меня отдали в балетный кружок Тбилисского дома пионеров. Там-то меня нашел Георгий Дanelия, который искал девочку на роль дочери Софики Чиаурели в фильме «Не горюй!». Меня тогда даже сравнивали с Одри Хепберн и Наташей Ростовой одновременно!

А серьезно я профессию почувствовала, когда сыграла «Небесные ласточки»... Хотя перед «Ласточками» были уже фильмы «Не горюй!», «Мелодии Верийского квартала», «Первая ласточка», «Воздушный мост», «Тбилиси и тбилисцы». После «Небесных ласточек» я почувствовала, что это мое родное, что жить без этого не могу.

— И вас засыпали предложениями?

— Да, предложения были колоссальные, очень много.

— Вы сами решали или мама за вас?

— Ни в коем случае мама, никогда. Всегда я решала.

— В «Небесных ласточках» вы работали с Андреем Мироновым. Он воспринимал вас как взрослую партнершу?

— В кадре — да. А когда заканчивалась съемка, он сразу же понимал, что я маленький ребенок, брал меня за руку и говорил — пойдем я тебя сейчас накормлю. Мама моя ему как-то пожаловалась, что я ничего не ем. Мол, кожа и кости. Вот он и старался меня откормить. И мы шли в кафе. Вообще, он смешной был. Просил: «При всех не называй меня «дядя Андрюша». Стеснялся. А я же вредная была. И специально голосила на площадке: «Дядя Андрюша! Дядя Андрюша!» Миронов только стонал: «О! Я сейчас ее задушу!»

— Вам вообще везло на партнеров?

— Везло. Очень даже. Жаль, что многих нет в живых. Это большое счастье, когда начинаешь рядом, например, с Евгением Леоновым. Сейчас по-другому. Такое время: полроли девочка сыграла — уже актриса, звезда. Это так неприятно, это не мое.

Кстати, мой крестный отец в кино — Серго Закариадзе. Первый день озвучания «Не горюй!». Огромный Серго устал закурить, встал и вышел из комнаты. И тут Георгий Николаевич стал меня учить, как записываться. Я отвечала: «Я все знаю». «Текст помнишь?» «Я все знаю. Можно, я запишу?» А в это время Серго стоял за стеклом и заворочено слушал. Ну, давайте. И с первого дубля я, неопытная, все точно записываю. Тут дверь распахивается, вваливается огромный Серго: «Иди сюда! Ты чья девочка? Такая талантливая!» Поцеловал и перекрестил на удачу.

— Вы играли с Софики Чиаурели в «Не горюй!», а потом вошли в ее семью — вышли замуж за сына Чиаурели и Георгия Шенгелая Нико... Что дало общение с самой знаменитой семьей Грузии?

— Да, это такая семья... Там было настолько интересно. Кстати, дом построил на знаменитой горе Раздумий отец Софики, Михаил Чиаурели — на том самом месте, где когда-то вперые поцеловал Верико Анджарадидзе — свою будущую жену. Мне столько всего можно вспомнить... Например, я собирала хорошее мыло... Верико, которая жила с нами в доме, тоже коллекционировала его. Однажды выходу из ванной (наши комнаты были рядом), за мной тянется шлейф аромата. Выглядывает Верико: «Ты что, взяла мое мыло?» — «Нет, что вы, тетя Верико». «Иди сюда, дурочка, ты такой и останешься». Я зашла в ее комнату, она открыла сундук — там у нее целая коллекция мыла. Она все время была занята — писала труды, воспоминания о великих актерах, режиссерах.

Часто звала: «Зайди, послушай. Это история». И я слушала — ведь была я, по сути, ребенком. Замуж я вышла в семнадцать — нас с Нико зарегистрировали благодаря Софики, которая тогда была депутатом Верховного Совета. В день свадьбы она подарила мне кольцо с бриллиантом, красивую ночную рубашку и веночек с ленточками для свадебного платья...

— Вы влюбчивы?

— Не знаю... честно. Но думаю, что я, наверное, не очень влюбчивый человек. Я не понимаю это качество. Почему? Мне надо пожить с человеком. Если я люблю — то до конца своей жизни, честно и преданно. Размениваться не умею.

— Но у вас было несколько браков. Вы остались друзьями с вашими бывшими супругами?

— Могу сказать, что да. И с Нико, и с Сергеем, моим вторым мужем (он бывший актер, мы с ним в одно время учились во ВГИКе, только на разных курсах, сейчас он вице-губернатор Курской области), отцом Георгия, и с Михаилом, отцом Нины, который сейчас живет в Америке. Мы дружим по сей день, у нас общие дети. И это уже история. С каждым из моих супругов я прожила восемь-девять лет — это целая жизнь. И для меня очень важно остаться друзьями. Более того — я дружна с новой супругой бывшего мужа и с их детьми — их общая маленькая дочка называет меня «мамой Ией». Когда я звоню, она кричит: «Это мама Ия!» Более того — я дружу с бывшими свекровями. Как-то они все посетили меня на мой день рождения. И такие тосты за меня поднимали!

— Но, наверное, и заслуга воспитания в традициях грузинской семьи...

— Да, только так. Я смотрела, как бабушка с бабушкой общались, он ее любил, боготворил, и мы не слышали ссор... А меня держали в ежовых рукавицах — мама с бабушкой встречали и провожали в школу до десятого класса. Да и на пробы мама всегда ходила вместе со мной. Может, поэтому накануне свадьбы я еще играла в куклы — рассказывала их под роялем, переодевала платья. И взяла их с собой в дом мужа как часть приданого.

— У вас были в роду артисты или певцы?

— В моем роду — Нани Бреговдзе. Это моя двоюродная тетя с бабушкиной стороны.

— Георгий и Нина понимают маму?

— Они прекрасно все воспринимают. Нина сама поет. В шесть лет она сыграла в сказке о берендеях у Згуриди. Причем играла истинно русскую девочку Варюшу в лаптях, в русском сарафане. Даже корову доила. Очень интересная роль была. Жаль, что из-за дефолта фильм остановили. Ей сейчас тринадцать лет, она учится в школе. И, наверное, думает стать актрисой — поет потрясающе. Голос оперный. А Георгий у меня серьезный мальчик — учится в Академии экономической безопасности при МВД России на юридическом. А до этого учился в Суворовском училище...

— Ия, что все-таки надо женщине для счастья?

— Взаимность в любви. Гармония в отношениях между мужчиной и женщиной. С возрастом еще приходят ум и какие-то дипломатические навыки...

— А надо бороться за счастье?

— Смотря когда. Если ваша семья чем-то несерьезно заболела — можно побороться ради будущего детей, но шрам останется. Он зарубцуется, но будет болеть. Но — если это катастрофическая болезнь и нужны хирургические вмешательства — то конечно, никакая борьба не поможет. Потом сам бог сверху все видит... Я верующая, как и вся моя семья.

— Что бы вы пожелали нашим читателям?

— Большого женского счастья, любви, удачи, красоты, счастья детям. Это прекрасно, этим мы живем. Это нам дает силу, вдохновение, настроение. И тогда все, о чем мечтаешь сбывается.

Наталья БОБРОВА



ДОСЬЕ «ВМ»

Заслуженная артистка Грузии. Родилась в Тбилиси. Окончила ВГИК (1981, мастерская С. Бондарчука и И. Скобцевой). С 1981 г. — актриса Государственного академического театра им. Ш. Руставели. Снялась более чем в двадцати картинах, в том числе: «Не горюй!» (1969), «Мелодии Верийского квартала» (1973), «Первая ласточка» (1975), «Небесные ласточки» (1976), «Слезы капали» (1982), «Любимец публики» (1985), «Яков, сын Сталина» (1990), «Опасно для жизни» («Марш Турецкого», 2001) и др. Дети: сын Георгий и дочь Нина.